

Кирилл Евграфович ЖданкоОмский государственный педагогический университет, аспирант кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: llirik.oknadh@gmail.com

Возможные миры в культуре интеллектуального досуга

Аннотация. В статье представлен критический анализ концепта возможных миров в контексте культуры интеллектуального досуга. Исследуется методология построения искусственных миров на примере литературных фантасмагорий Р. Акутагавы и С. Чеха. Автор выдвигает предположение, что критический анализ возможного мира и понимание его логики требует участия в нём агента рассуждения. В заключении делается вывод, что практика создания возможных миров в художественной литературе может рассматриваться в качестве акта опосредованной авторефлексии.

Ключевые слова: формальная антропология, аналитическая философия, миры рассуждений, возможные миры, фантасмагории, литература.

Kirill E. ZhdankoOmsk State Pedagogical University, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: llirik.oknadh@gmail.com

Possible Worlds in the Culture of Intellectual Leisure

Abstract. The article presents a critical analysis of the concept of possible worlds in the context of intellectual leisure culture. The methodology of constructing artificial worlds is studied on the example of literary phantasmagorias by R. Akutagawa and S. Czech. The author suggests that a critical analysis of the possible world and understanding its logic requires the participation of an agent of reasoning in it. The conclusion is drawn that the practice of creating possible worlds in fiction can be considered as an act of indirect self-reflection.

Keywords: formal anthropology, analytic philosophy, worlds of reasoning, possible worlds, phantasmagorias, literature.

Введение (Introduction)

На протяжении долгого времени одним из главных препятствий для философских исследований был концептуальный разрыв между континентальной и аналитической философией. До недавнего момента обе традиции четко разграничивали сферы своих научно-исследовательских интересов, а также их функциональную и методологическую составляющие. Однако данный разрыв вполне условен, например, в области критики достоверности Мартин Хайдеггер [1] и Людвиг Витгенштейн [2] приходят к схожим выводам, несмотря на значительные различия в своих взглядах и аргументах.

Ранняя аналитическая философия занималась исключительно одним только логико-семантическим анализом языка, что привело к ее полной изоляции от ряда философских областей, оккупированных сторонниками континентальной философии (герменевтики, феноменологии, психоанализа и т. д.). Континентальные философы, в противовес аналитикам, которые стремились обеспечить философии статус строгой науки, в большинстве своем видели философию как одну из особых отраслей литературы или область знаний, тесно связанную с теорией литературы. Однако развитие когнитивных наук и появление новых способов понимания языка как инструмента познания мира, выражения основных

законов и его структуры, логики нашего мышления о нём, а также введение в контекст проблемного поля аналитической философии семантики возможных миров изменило сложившееся положение дел, выявив потребность в преодолении разрыва двух основных философских традиций.

Теперь, когда аналитическая философия в рамках своих исследований языка (языка науки, обыденного языка) стала активно применять логику возможных миров, изучая семантику языков рассуждения в них, прежнего, во многом связанного с классической («аристотелевской») логикой, метода формализованного рассуждения стало недостаточно. Новая проблематика потребовала наличия новых методов и подходов. В этой связи аналитическая философия обращается к областям исследований, традиционно характерным для континентальной философии, используя в качестве инструмента такие источники, как литература, загадки и т. д. Эти источники представлены как экземплификанты (наглядные образцы, характерные примеры) анализа процессов создания возможных миров и существенно различных способов такого конструирования [3]. Немалую роль здесь сыграло и заимствование тем и методов (например, из герменевтики или психоанализа), что дало возможность по-новому взглянуть на проблемы восприятия и познания мира человеком, а также позволило заложить почву для осмысления

и философской критики классической логики, ее модернизации, а также развития различных неклассических и неэкстенциональных логик.

Процесс сближения традиций аналитической и континентальной философии, например, на почве анализа и применения семантики возможных миров открывает множество новых перспектив для исследований в различных областях и направлениях, таких как проблема коммуникации в лингвистике, проблемы сознания и познания в философии и когнитивных науках, проблема достоверности и относительности знания в эпистемологии, антропологическая проблематика в философии, развитие интеллектуальных систем и виртуальных реальностей и т. д.

Так, например, одной из значимых проблем философской антропологии является необходимость познания сущности человека [4]. Появление философской антропологии было результатом сосуществования трех несовместимых друг с другом представлений о человеке: естественно-научное, философское и религиозное. По причине отсутствия единства между ними вопрос о сущности человека долгое время оставался без внимания, поскольку акцент был смещен на доказательство истинности конкретной концепции среди множества других концепций, каждая из которых также доказывает свою истинность и примат над остальными.

В определенной степени проблема человека и его сущности обусловлена неспособностью человека взглянуть на себя со стороны и проанализировать ряд черт, присущих ему. Для примера рассмотрим следующую ситуацию: допустим, что у нас есть фотография человека, которая дает нам статичное изображение только одной из его сторон под определенным углом, все остальные стороны человека для нас в данном случае не видны, и мы вынуждены домысливать их на основе представления о видимой части. Однако если мы проведем съемку с разных ракурсов, создав тем самым несколько изображений, то в итоге сможем получить более полную картину.

Возможным способом решения заявленной проблемы могло бы стать создание нового подхода — **формальной антропологии**. Другими словами, это исследование природы человека и эпистемических систем его убеждений на основе модельных миров (по аналогии с модельными множествами в трудах Я. Хинтикки [5]), которые могут быть созданы на базе отдельных инструментов модальной логики.

Методы (Methods)

Методологическую основу данной статьи составляет аналитический метод, который предполагает анализ положения дел в рамках концепции возможных миров. Под положением дел понимается любая ситуация, которая возможна в описанном мире. Используя аналитический метод, мы производим разложение целого (конкретное положение дел, мир в целом или же отдельные явления, свойства и отношения) на составные части. В дальнейшем происходит рассмотрение и обсуждение каждой из них с целью более полного познания и объяснения.

Используя аналитический метод, мы исходим из актуалистского (в другой методологии — номиналистского) пони-

мания онтологического статуса возможных миров. Подобный подход характерен для работ С. Крипке [6] и Я. Хинтикки [5], которые предлагали использовать концепцию возможных миров для формирования семантики модальных суждений о «возможности» и «необходимости» какого-либо положения дел.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Любое рассмотрение возможных миров было бы неполным без их реализации в том или ином виде. Примерами такой реализации вполне могут выступать особого рода задачи (головоломки) [7], принадлежащие культуре интеллектуального досуга, которые, заимствуя приемы родственного жанра литературных фантазмагорий [8], создают иллюзорные населенные миры с целью подчеркнуть, сделать явным то, как особенности этих миров (их онтология) влияют на характер рассуждений в них. Обобщенный анализ таких воображаемых миров можно было бы назвать **формальной антропологией**. Подобное название объясняется тем, что для рассмотрения любого возможного мира, принципов и механизмов его работы, а также понимания его логики нам следует поместить в него агента рассуждения — некое живое разумное существо, похожее на нас (или условно похожее), имеющее лишь отдаленное сходство, или чуждое нам (особенно если речь идет о логике и мышлении). С этим связана занимательная черта нашего сознания — мы способны воспринимать окружающую нас действительность, если у нас есть некий живой ориентир (животное, человек и т. д.), поскольку непосредственное познание реальности производится нами именно через коммуникацию с этим другим существом. Потребность создания таких формальных антропологий вызвана тем, что в их основаниях лежат фундаментальные принципы модальной логики, а именно — различение необходимо истинных и возможно истинных предложений. В качестве примера можно привести человеческую привычку говорить «Да, описание произошедшего истинно, но на самом деле всё могло бы быть и не так. Оно могло бы быть совсем иным» или же «Это должно быть именно так. Ничего не могло быть иначе». В итоге мы можем наблюдать разделение того, что является *истинным*, и того, что истинно *необходимо либо возможно*. Или возьмем такой факт: в Солнечной системе существует восемь планет, и это — истинное высказывание. В то же время мы вполне можем помыслить, что при других обстоятельствах их число могло бы быть иным, больше или меньше, и это возможно истинное высказывание. Таким образом, для выведения необходимо или возможно истинных предложений мы конструируем мир рассуждения, где можем задать все нужные нам условия. Раймонд Смаллиан называет подобные миры универсумами Мыслителей, где Мыслитель — это идеальный интеллектуальный субъект, наш образ, который мы проецируем в представленный нами возможный мир с целью его рассмотрения [9, с. 221–222]. Он выделяет следующие виды Мыслителей [9, с. 119–120]:

1) Мыслитель типа 1:

Такой Мыслитель полностью принимает пропозициональную логику, верит во все предложения формы Vx (где

х является примером тавтологии, наподобие $p \supset p$), а также для любых предложений вида p и q он верит во все предложения формы $Vp \& V(p \supset q) \supset Vq$;

2) Мыслитель типа 2:

Это всё тот же Мыслитель типа 1, однако, обладающий чем-то вроде «самосознания». Он не только верит во все предложения, в которые верит Мыслитель типа 1, но и верит в то, что он в них верит. Иными словами, Мыслитель типа 2 также верит и в предложения формы $V(Vp \& V(p \supset q) \supset Vq)$;

3) Мыслитель типа 3:

Если Мыслитель типа 2 дополнительно верит в предложения формы $Vp \supset BVp$, тогда это Мыслитель типа 3. Подобную черту такого Мыслителя Р. Смаллиан называет «нормальностью» [9, с. 109–110]. Мыслитель типа 3 имеет большую степень «самосознания», чем Мыслитель типа 2;

4) Мыслитель типа 4:

Этот тип Мыслителя не только верит во все предложения, в которые верит Мыслитель типа 3, но и сознает, что он «нормален». Иными словами, Мыслитель типа 4 также верит и в предложения формы $V(Vp \supset BVp)$.

Допустим, что мы имеем универсум Мыслителя, который обозначим, как U_1 . Зададим условие, что в рамках U_1 любой Мыслитель верит, что p либо ложно, либо истинно. При этом его вера во что-либо всегда будет определяться таблицей истинности. Например, Мыслитель верит, что $p \supset q$ при условии, что он либо не верит в p , либо верит в q , либо выполняются оба условия. Следовательно, этот Мыслитель верит во все похожие по форме предложения. Если Мыслитель верит в p и верит в $p \supset q$, то, соответственно, он должен верить и в q ; если же Мыслитель не верит в q , он должен верить в p и не верить в q ; из этого следует, что Мыслитель не должен верить в $p \supset q$. Таким образом, в нашем универсуме U_1 любой Мыслитель принадлежит к типу 1. Нам дано также, что каждому Мыслителю известно, во что верят другие Мыслители. Собственно, это и позволяет нам поставить вопрос о том, что *необходимо истинно*. Допустим, любой Мыслитель верит всем суждениям своих родителей, вследствие чего для любого предложения p Мыслитель верит, что p необходимо истинно при условии, что его родители верят в p . Здесь мы приходим к тому, что Р. Смаллиан называл «фундаментальным правилом универсумов», которое он сформулировал следующим образом: «Мыслитель верит в то, что p необходимо истинно, если и только если его родители верят в p » [9, с. 222].

Концепция, которая изложена Раймондом Смаллианом, может быть рассмотрена нами как иллюстрация реализации возможных миров, предоставляющая возможность их дальнейшего изучения. Кроме того, это демонстрирует нам то, что основными площадками для анализа возможных миров выступают литература и культура интеллектуального досуга, представленная посредством загадок и головоломок. В случае с литературой это, прежде всего, фантастические произведения, которые могут варьироваться от абсурда и сатиры до серьезного размышления о гипотетически возможной ситуации.

Вооружившись моделью универсума U_1 , мы получаем конструкцию, которая становится основой для любо-

го мыслимого (воображаемого) мира. В качестве образца возьмем эпизод из повести Рюноске Акутагавы «В стране водяных» [10]. Для начала мы имеем отдельный мыслимый мир, который работает в соответствии с собственными законами логики и населен некими живыми существами, в данном случае капками, которые отличны от нас и являются носителями этих законов (так называемые Обитатели у Р. Смаллиана [9, с. 11]). Познание этого мира осуществляется Мыслителем, который в то же время является рассказчиком, а различие достигается за счет гиперболизации одних жизненных аспектов в противопоставлении другим, показывая тем самым относительность человеческого мышления посредством паранепротиворечивой (т. е. терпимой к противоречию воображаемой логики, например, см.: [10]). Примером тому служит реакция одного из водяных на слова рассказчика об ограничении рождаемости, которое принято у него на родине: «Разве не смешно считаться только с интересами родителей? Разве не проявляется в этом эгоизм и себялюбие?» [10, с. 440], или же смех кап в ответ на слова рассказчика о гуманности и справедливости, произнесенные ранее. Представленный воображаемый мир демонстрирует нам неабсолютность наших собственных логических законов и, более того, самих законов морали. Последнее вполне соотносится с одним из вариантов понимания логических законов, предложенных основоположником воображаемой (неаристотелевой) логики Н. А. Васильевым [11]. С этой точки зрения логические законы — это нормы правильного мышления. Таким образом, законы логики оказываются в одном ряду с юридическими и моральными законами. В то же время законы морали, как и юридические, не являются причиннообразующими для наших поступков, на деле выполняя лишь нормативную функцию, удовлетворение которой делает наши поступки более правомерными и нравственными. То же самое справедливо и для законов логики, они точно также являются нормами, удовлетворяя требования которых мы делаем процесс нашего мышления более правильным. Следовательно, и здесь мы не можем считать законы логики неизменными, так как при других условиях нормы мышления также будут отличаться. Аргументом в пользу последнего может служить изменчивость юридических и моральных норм в различные периоды и эпохи человеческой истории, а значит, если наши нормы постоянно меняются в зависимости от разного рода условий, то и наличие существ с иными нормами мышления тоже вполне допустимо.

Благодаря описанной ранее гиперболизации становится возможным выявление того, что мы могли бы назвать «необходимо истинным». Рассмотрим, например, суждение доктора Чакка (персонажа Р. Акутагавы) о несурзности ограничения деторождения. В человеческом обществе решение о рождении ребенка напрямую связано с интересами родителей, поскольку процесс воспитания и ухода за ребенком потребует затраты определенного количества временных, материальных и моральных ресурсов с их стороны. Факт готовности и способности родителей предоставить эти ресурсы в необходимом размере в качестве определяющего условия для рождения ребенка является истинным. Однако по вполне объективным причинам не учитывается мнение

младенца, так как он не представляет собой в полной мере разумное и самостоятельное существо, точно также он не может считаться и субъектом юридических законов, являющихся выражением законов логических и моральных. С точки зрения нашей логики человек будет считаться полноправным субъектом того или иного действия, если он достаточно разумен, самодостаточен и несет перед обществом персональную юридическую ответственность. Наше исходное предложение всё еще истинно. Но это справедливо лишь в рамках правил нашего мышления. Р. Акутагава данный момент наглядно иллюстрирует эпизодом, когда рассказчик присутствует при родах, во время которых врач спрашивает у младенца, хочет ли он появиться на свет, давая ему возможность принятия самостоятельного решения [10, с. 445]. Необходимо истинным здесь будет предложение, в котором утверждается, что независимо от обстоятельств любое решение должно приниматься с учетом интересов всех сторон. Подобное предложение было бы получено, если бы мы помыслили некий возможный мир и задали в нём условия, допускающие предложения, противоречащие привычным нормам нашего мышления. Такое предложение будет истинным, несмотря на то что противоречит нашему собственному, актуальному для нашего мира, поскольку вполне может быть необходимо истинным в другом (воображаемом мире). Данное утверждение вполне согласуется с идеей трансмирового тождества, предложенной Алвином Плантингой [12]. Согласно этой идее, предмет наделяется определенными качествами в мире, который признан реальным, и в то же время он существует в бесконечном множестве миров. При реализации одного из возможных вариантов положения дел он может иметь иные качества, отличные от тех, какими был наделен в реальном мире.

Важно понять, как, собственно, происходит формирование миров рассуждения в нашем сознании. По мнению Нельсона Гудмена, это происходит за счет разделения целого на части, родов — на виды, классы и подклассы или же, наоборот, путем сложения различных частей в целое и формирования рода из различных видов, классов и подклассов. Всё это сопровождается созданием и закреплением ярлыков (имена, жесты, картины, предикаты и т. д.), позволяя нам тем самым систематизировать и распределять информацию (например, различные даты и события) по соответствующим классам [3, с. 125–127]. В итоге у нас появляется возможность идентифицировать себя с теми или иными вещами, определяя, таким образом, нашу реальность, а также ее организацию и границы. Н. Гудмен замечает, что вещи могут обладать схожими внешними характеристиками, но в то же время иметь различное содержание (например, схожие по звучанию и написанию слова, обозначающие при этом разные предметы, действия, события или обстоятельства [3, с. 126]). Таким образом, по аналогии с тем, как в разных языках одно и то же слово (как сочетание звуков) может иметь различное значение (или же, наоборот, одинаковое значение для разных слов), так и любой предмет будет обладать тем значением, которое мы ему дадим в рамках организации того или иного мира. Примером в данном случае может служить сатирическая повесть Сватоплука Чеха «Правдивое путешествие пана Броучека на Луну» [13], где происходит создание ново-

го мира посредством его разделения и противопоставления нашему. В тексте дается описание манеры речи селенитов, возвышенной и архаичной, из-за чего она резко контрастирует с нашей речью, более простой, минималистичной и формальной: «Селенит никогда не скажет “дочь”, “лицо”, “скука”, “удовлетворить”, “хочет”, “деревьев”, но “дщерь”, “лице”, “скучишь”, “удоволить”, “хощет”, “дерев” или “древ”» [13, с. 21]. Акцент делается на отличиях и том, что предмет имеет иное значение. К примеру, если в нашем языке слово «незабудка» будет, прежде всего, означать цветок, то в языке лунного народа из повести это будет обозначение глаз и применяться будет только по отношению к женщинам: «...Если речь идет о женщине, то сплошь и рядом — “звездочка” или “незабудка”; употребление некоторых слов лишь применительно к прекрасному полу также является характерной чертой лунного языка» [13, с. 22]. Обычное и безобидное для нас слово «нос» вызывает у жителей Луны возмущение, поскольку служит упоминанием о чём-то непристойном в их понимании: «На слове “нос” он сделал ударение, чтобы намекнуть потерянному совести хозяину о другом, внутреннем, органе. И тут же перепугался, увидев, какое действие произвели его слова. Воцарилась гробовая тишина. Лазурный, покраснев до ушей, в немом ужасе переводил взгляд с одного поэта первого разряда на другого. Облачный и Звездный опустили очи долу, хозяин бросал на гостей несмелые взгляды и, казалось, пребивал в крайнем смущении» [13, с. 27].

Согласно Н. Гудмену, различия нашего мира и мира, который лишь возможен, поскольку мыслится в нашем воображении, будут выражаться и в разных потребностях [3, с. 127]. Например, отрицательная реакция пана Броучека как представителя индустриального общества, основные потребности которого материалистичны и приземлены, на образ жизни селенитов, в лице которых он сталкивается с существами, делающими упор на духовное развитие и искусство. Иллюстрацией может служить эпизод, где главный герой попадает в Храм искусств и наблюдает за работой поэтов и художников, параллельно отпуская едкие и насмешливые замечания относительно результатов их творческой деятельности: «В его земной спальне висели две купленные по дешевке олеографии “Спящая одалиска” и “Заход солнца над Неаполитанским заливом”, которые нравились ему гораздо больше, чем эта дикая неразбериха беспорядочных мазков» [13, с. 41]. Различность потребностей порождает разницу восприятия. Поводом для конфликтной ситуации выступает взаимная чужеродность Броучека и селенитов по отношению друг к другу. Для жителей Луны — невоспитанность, ограниченность и откровенное невежество Броучека, которые не укладываются в их систему норм и правил поведения, а также его мышление и мировоззрение, вступающие в противоречие с их собственным. В то же время для самого Броучека чужды сами селениты и весь их мир сам по себе, так как он существует по своим собственным правилам, не соответствующим законам, которые лежат в основе нашего мира.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, на примере различных литературных фантазмагорий, а также головоломок культуры интеллектуального досуга, заимствующих у них приемы и принципы

построения искусственных миров, мы можем наблюдать непосредственную реализацию идеи возможных миров. Подобное явление позволяет не только решить ряд основополагающих проблем модальной логики (например, выведение необходимо истинных предложений из истинных предложений), но и может послужить в качестве еще одного формального подхода к изучению человека. Не имея возможности получить опыт нахождения в той или иной ситуации ввиду ее невозможности на данный момент, мы

тем не менее можем помыслить ее в своем воображении и задать таким образом все необходимые условия, поместив в нее (в качестве наблюдателя) наш идеальный образ. Наблюдая за поведением агента, а затем интерпретируя его, мы можем получить представление о нашем возможном поведении в подобной ситуации. Следовательно, практика создания возможных миров в литературе и культуре интеллектуального досуга может рассматриваться нами в качестве акта опосредованной авторефлексии.

Библиографический список

1. Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб. : Владимир Даль, 2009. 382 с.
2. Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. Часть I / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева ; сост. М. С. Козлова. М. : Гнозис, 1994. С. 321–405.
3. Гудмен Н. Способы создания миров / пер. с англ. А. Л. Никифорова, Е. Е. Ледникова, М. В. Лебедева, Т. А. Дмитриева. М. : Идея-Пресс : Логос : Праксис, 2001. 376 с.
4. Меджидова Н. Г. Актуальные проблемы современной философской антропологии // Балканское научное обозрение. 2018. № 1. С. 12–14.
5. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования / пер. с англ. В. Н. Брюшкина, Э. Л. Наппельбаума, А. Л. Никифорова ; сост. В. Н. Садовский, В. А. Смирнов. М. : Прогресс, 1980. 447 с.
6. Kripke S. Naming and Necessity. Oxford : Basil Blackwell, 1980. 288 p.
7. Кислов А. Г. Ускользящая красота головоломок // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 119, № 4. С. 198–214.
8. Эко У. История иллюзий: легендарные места земли и страны / пер. с итал. А. А. Сабашниковой. М. : Слово/Slovo, 2013. 480 с.
9. Смаллиан Р. Вовсе неразрешимое. Путь к Гедделю через загадки / пер. с англ. В. В. Целищева. М. : Канон+, 2013. 303 с.
10. Акутагава Р. В стране водяных // Малое собрание сочинений / пер. с япон. И. Ф. Вардуля, Т. И. Редько-Добровольской. М. : Азбука, 2010. С. 435–480.
11. Бажанов В. А. Н. А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. М. : Канон+, 2009. 240 с.
12. Plantinga A. Actualism and Possible Worlds // *Theoria*. 1976. Vol. 42, issue 1–3. P. 139–160.
13. Чех С. Правдивое путешествие пана Броучека на Луну // Путешествия пана Броучека / пер. с чеш. Н. Г. Беляевой. СПб. : Художественная литература, 1977. С. 21–121.

References

- Akutagawa R. (2010) *V strane vodyanykh* [In the Land of the Watermen]*, *Vardul' I. F., Red'ko-Dobrovol'skaya T. I. (ed.) Maloe sobranie sochinenii* [Small Collected Works]*. Moscow, Azbuka Publ., pp. 435–480. (in Russian)
- Bazhanov V. A. (2009) *N. A. Vasil'ev i ego voobrazhaemaya logika. Voskreshenie odnoi zabytoi idei* [Vasiliev and His Imaginary Logic. The Resurrection of a Forgotten Idea]*. Moscow, Kanon+ Publ., 240 p. (in Russian)
- Čech S. (1977) *Pravdivoe puteshestvie pana Broucheka na Lunu* [The True Journey of Pan Brouchek to the Moon]*, *Belyaeva N. G. (ed.) Puteshestviya pana Broucheka* [Travels of Pan Brouchek]*. Saint Petersburg, Khudozhestvennaya literatura Publ., 312 p. (in Russian)
- Eco U. (2018) *Istoriya illyuzii: legendarnye mesta zemli i strany* [History of Illusions: Legendary Places of the Earth and Country]*. Moscow, Slovo Publ., 480 p. (in Russian)
- Goodman N. (2001) [Ways of Worldmaking]. Moscow, Ideya-Press, Logos Publ., Praksis Publ., 376 p. (in Russian)
- Heidegger M. (2009) [Parmenides]*. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 382 p. (in Russian)
- Hintikka Ja. (1980) *Logiko-ehpistemologicheskie issledovaniya* [Logical and Epistemological Research]*. Moscow, Progress Publ., 447 p. (in Russian)
- Kislov A. G. (2013) *Uskol'zayushchaya krasota golovolomok* [Beauty of Puzzles, Which is Slipping Away]*, *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1 : Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture]*, vol. 119, no. 4, pp. 198–214. (in Russian)
- Kripke S. (1980) *Naming and Necessity*. Oxford, Basil Blackwell Publ., 288 p. (in English)
- Medzhidova N. G. (2018) *Aktual'nye problemy sovremennoi filosofskoi antropologii* [Actual Problems of Modern Philosophical Anthropology]*, *Balkanskoe nauchnoe obozrenie* [Balkan Scientific Review], no. 1, pp. 12–14. (in Russian)
- Plantinga A. (1976) *Actualism and Possible Worlds*, *Theoria*, vol. 42, issue 1–3, pp. 139–160. (in English)
- Smallyan R. (2013) [Forever Undecided. A Puzzle Guide to Godel]. Moscow, Kanon+ Publ., 330 p. (in Russian)
- Wittgenstein L. (1994) [Über GewiŹheit]*, *Kozlova M. S. (ed.) Filosofskie raboty* [Philosophical Works]*. Moscow, Gnozis Publ., pp. 321–405. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.